

© 2026. Н. Г. Коптелова

Костромской государственный университет
г. Кострома, Россия

Астральная символика в поэзии А. И. Готовцевой 1820-х гг.

Аннотация: В статье исследуются семантика, функции и способы художественного воплощения астральной символики, использованной в лирике А. И. Готовцевой 1820-х гг., в сопоставлении с творчеством некоторых ее современников. Доказывается, что поэтесса создает в лирике свой астральный миф. Выявляется, что в ее интерпретации положительную семантику имеют следующие астральные образы: метеор, солнце, луна, звезды. Отмечается, что Готовцева также использует астральные символы с амбивалентным значением: луна и солнце с «пятнами». Показывается, что в ее художественной картине космоса однозначно отрицательная семантика приписывается только образу кометы, наваянному фольклорно-мифологическими представлениями древних и генетически связанному с библейской традицией. Обнаруживается, что демоническая сущность кометы подчеркивается Готовцевой через противопоставление ее звезде. Делается вывод о том, что астральные образы в творчестве поэтессы выполняют функцию посредника между земным и небесным и главным образом сопряжены с мотивами духовного и творческого поиска.

Ключевые слова: А. И. Готовцева, поэзия, астральная символика, элегический романтизм, семантика, функции, поэтика, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов

Информация об авторе: Наталия Геннадьевна Коптелова, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственный университет, ул. Дзержинского, д. 17/11, 156005 г. Кострома, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 02.03.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 09.05.2026

Дата публикации статьи: 25.09.2026

Для цитирования: Коптелова Н. Г. Астральная символика в поэзии А. И. Готовцевой 1820-х гг. // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 3. С. 28–49. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-28-49>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 28–49. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 28–49. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. **Nataliya G. Koptelova**
Kostroma State University
Kostroma, Russia

Astral Symbolism in the Poetry of A. I. Gotovtseva in the 1820s

Abstract: The article examines the semantics, functions, and methods of artistic embodiment of astral symbolism used in the lyrics of A. I. Gotovtseva of the 1820s, in comparison with the work of some of her contemporaries. It demonstrates that the poetess creates her own astral myth in her lyrics. In her interpretation, positive semantics are attributed to the following astral images: meteor, sun, moon, and stars. It is noted that Gotovtseva also uses astral symbols with ambivalent meanings, such as the moon and sun with “spots.” It is shown that in her artistic depiction of the cosmos, an unambiguously negative semantics is ascribed only to the image of the comet, inspired by the folkloric and mythological concepts of the ancients and genetically linked to the biblical tradition. The analysis reveals that Gotovtseva emphasizes the comet’s demonic nature by contrasting it with the star. The article concludes that astral images in the poetess’s work serve as mediators between the earthly and the heavenly and are primarily associated with motives of spiritual and creative search.

Keywords: A. I. Gotovtseva, poetry, astral symbolism, elegiac romanticism, semantics, functions, poetics, V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov

Information about the author: Nataliya G. Koptelova, DSc in Philology, Professor, Kostroma State University, Dzerzhinskogo 17/11, 156005 Kostroma, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Received: March 02, 2026

Approved after reviewing: May 09, 2026

Published: September 25, 2026

For citation: Koptelova, N. G. “Astral Symbolism in the Poetry of A. I. Gotovtseva in the 1820s.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 3, 2026, pp. 28–49. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-28-49>

В последние десятилетия изучение биографии и творчества костромской поэтессы А. И. Готовцевой, во многом определившей вектор развития русской женской поэзии XIX в., заметно активизировалось [Бочков], [Лебедев], [Вацуро], [Чупринова: 47–57], [Романова 2020], [Романова 2025a], [Романова 2025b], [Коптелова 2024a], [Коптелова 2024b], [Коптелова 2025a], [Коптелова 2025b], [Коптелова, Четверикова 2025a] [Коптелова, Четверикова 2025b]. Однако ее художественное наследие таит еще немало загадок и «белых пятен». Пока детально не описаны аксиология и поэтика лирики Готовцевой, не выявлены и не охарактеризованы доминанты ее образной системы. К ним относится, в частности, астральная символика, играющая в творчестве Готовцевой важную смыслообразующую роль. Поэтесса активно обращалась к образам различных небесных светил, а также к маркирующим эти образы мотивам полета и падения. Как точно подметила А. Н. Романова, «Готовцева очень любила образ промелькнувшего метеора, падающей звезды или кометы» [Романова 2020: 63].

Целью данной статьи будет исследование семантики, функций и способов художественного воплощения астральной символики, использованной в лирике Готовцевой 1820-х гг., в сопоставлении с творчеством некоторых ее современников.

Астральная символика — культурная универсалия, которая буквально пронизывает мировую литературу. Часто она встречается и в отечественной словесности XIX в. На волне элегического романтизма по-своему осваивали и интерпретировали астральную символику. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, М. Ю. Лермонтов, Е. П. Ростопчина, Ю. В. Жадовская, А. А. Фет и др. В число авторов, вносящих в свою художественную картину мира космические объекты, входит и Готовцева. Астральные образы являются важным компонентом ее философской и элегической лирики. Они возникают уже в ранних стихотворениях Готовцевой «Видение» и «К П***», написан-

ных, согласно датировке поэтессы, в 1825 г.¹ и опубликованных в альманахе «Литературный музей на 1827 год».

В стихотворении «Видение» лирическая героиня Готовцевой восторженно рассказывает о своем мистическом общении с некоей гостьей из потустороннего мира:

Я видела тебя! с улыбкою небесной,
Как воздух легкая, как метеор прелестный,
Ты мне мелькнула в тишине.
Отрадно друга навестила
И к неизвестной стороне
Опять полет свой устремила!

Я видела тебя! и сладостный привет,
И образ кроткий твой был не мечта — ответ
Душе моей, тоской томимой.
Разлуки вечной приговор
Смягчала ты улыбкой милой,
Надежду воскрешал твой взор.

Я видела тебя! приникнув с высоты
В одежде розовой и в блеске красоты,
О сладкое очарованье...
При звуке арфы золотой
Ты прошептала мне свиданье
И радость жизни неземной!

[Литературный музей: 162–163].

Анализируя стихотворение Готовцевой «Видение», А. Н. Романова выявляет переключки этого произведения со стихотворениями К. Н. Батюшкова «Мой гений», А. С. Пушкина «К Морфею», «Привидение» В. А. Жуковского [Романова 2020: 67]. Исследовательница проникательно подчеркивает и многогранность женского образа, созданного поэтессой: «Виденье, явившееся автору, сочетает в себе черты Музы,

¹ Готовцева А. И. Стихотворения А. И. Корниловой, урожденной Готовцевой [1851] // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 18.

“при звуке арфы золотой» открывающей тайны иных миров, и образ милого, ушедшего из жизни человека» [Романова 2020: 67]. Романова также высказывает заслуживающее доверия предположение о том, что образ видения преломляет «воспоминание поэтессы о ее старшей сестре, Александре, умершей в 1825 году» [Романова 2020: 67].

Примечательно, что на облик неземной гостьи, увиденной лирической героиней стихотворения, Готовцева проецирует астральную семантику: у обитательницы иного мира — «улыбка небесная»; она, «как воздух легкая», и подобна стремительно пролетающему «метеору» [Литературный музей: 162]. Благодаря сравнению видения с метеором, часто называемым в народе «падучей звездой»¹, Готовцева подчеркивает кратковременность общения лирической героини с пришельцей из астральной сферы. Встреча, воспринятая героиней как мистическое откровение и оставившая столь значимый след в ее душе, описанная в стихотворении, оказывается яркой вспышкой света, длящейся только мгновение.

Иная художественная реализация астральной символики возникает в поэтическом послании «К П***»², напечатанном в том же альманахе, что и «Видение»:

К П***

Как ветром занесенный цвет
В пустыне взор увеселяет:

¹ Как справедливо показывают Е. В. Зеневич и Э. М. Афанасьева, образ падучей звезды является весьма значимым символом в художественной системе поэтессы Ю. В. Жадовской, племянницы Готовцевой, в образовании и воспитании которой Анна Ивановна приняла активное участие [Зеневич, Афанасьева]. Однако, реконструируя литературный контекст, стимулирующий обращение Жадовской к образу падучей звезды, исследователи не включают в него поэзию Готовцевой. В настоящее время установлены исключительно биографические связи Жадовской и Готовцевой. А вот творческие притяжения и отталкивания поэтесс, связанных родственными узами, до сих пор еще не становились предметом специального исследования.

² Публикация этого стихотворения Готовцевой сопровождается следующим пояснением: «Эти, как и другие стихи того же автора (см. стран. 162) сообщены Попечителем Московского Университета, А. А. Писаревым, из Костромы, во время объезда учебного округа» [Литературный музей: 280].

Так образ твой во мрак бед,
Мне радость сладко воскрешает.
Как тихой арфы нежный звук
Понятно к сердцу достигает:
Так голос твой покоит дух,
И бурю в чувствах усыпляет,
Как животворный солнца луч
Поток холодный согревает;
Так тьму моих душевных туч.
Твоя улыбка разгоняет

[Литературный музей: 280].

В этом произведении, как и в «Видении», выражено восхищение неизвестным адресатом. Но в нем лирическая героиня вспоминает не о мистическом контакте с «другом», ушедшим в мир иной, а о душевной гармонии, которую находящийся рядом дорогой ей человек дарит в настоящем. Стихотворения вступают в диалог: второе произведение преемственно продолжает первое и в то же время полемизирует с ним. Лейтмотивом, скрепляющим стихотворения в своеобразный диптих¹, становится также мотив звучащей арфы, символизирующей радость и очарование, даруемые общением с адресатом: «О сладкое очарование... / При звуке арфы золотой» («Видение»); «Как тихой арфы нежный звук / Понятно к сердцу достигает» («К П***»). Если в «Видении» для характеристики адресата задействовано сравнение его с метеором, то в послании «К П***» используется прием психологического параллелизма, включающего солярную ассоциацию:

Как животворный солнца луч
Поток холодный согревает;
Так тьму моих душевных туч
Твоя улыбка разгоняет

[Литературный музей: 280].

¹ Полагаем, что творческий опыт Готовцевой по созданию поэтического диптиха, в определенном смысле предвосхищающий феномен циклизации в лирике, предсказывает принцип «парной поэтики», позднее реализованный в творчестве Ю. В. Жадовской [Зеневич].

Солярная символика в данном контексте аксиологически окрашена, ее семантика свидетельствует о том, что душевность и теплота человеческих отношений, напоминающие поэтессе «животворный солнца луч», были для нее высшими жизненными ценностями.

Астральные образы встречаются и в самом резонансном стихотворении Готовцевой «А. С. П.», адресованном А. С. Пушкину и опубликованном в альманахе «Северные цветы на 1929 год» [Бочков], [Романова 2020: 68–70], [Романова 2025b]. В контексте этого произведения они обретают новую интерпретацию. В своем послании Готовцева не только восхищается творчеством первого поэта России, но и обнаруживает в нем некий диссонанс, выраженный сквозь призму астральных символов. Показательно, что Пушкин, с одной стороны, назван ею «поэтом, любимым небесами» [Северные цветы на 1829 год: 180]. Готовцева приобщает творческую индивидуальность Пушкина к небесной сфере и метафорически соотносит ее с луной и солнцем, космическими объектами, завораживающими своим сиянием. Тем самым она возводит фигуру поэта в ранг небесного светила, озаряющего современность. С другой стороны, Готовцева мягко намекает на слабости и недостатки гения, бросающие тень на его личность: «Но где же совершенство? / В луне и солнце пятна есть!» [Северные цветы на 1829 год: 181]. Свой «недосказанный упрек», так задевший Пушкина [Бочков], [Романова 2020], [Романова 2025b], она облекает в форму иносказательного выражения («В луне и солнце пятна есть!»), весьма емкого по смыслу и восходящего к строке из 7 песни эпической поэмы М. М. Хераскова «Россияда»: «И в солнце, и в луне есть темные места!» [Херасков: 118].

В послании Готовцевой «К Ю. Н. Бартеневу», напечатанном в том же альманахе «Северные цветы на 1929 год», в интерпретации образа луны на первый план выходит позитивная коннотация. В нем «отблеск луны» характеризуется поэтессой как один из источников вдохновения, как таинственное и изменчивое явление, подталкивающее ее к лирическому творчеству:

Оно являлось мне весною на лугах,
То в песнях соловья, то в радужных цветах,
То в отблеске луны и в тишине природы,
То в мрачной осени и в бурях непогоды

[Северные цветы на 1829 год: 31].

Однако развертывание астрального мифа в этом произведении Готовцевой связано также с использованием антитезы «звезда — комета», раскрывающей философию творчества поэтессы, мотивированную христианскими представлениями. Как мы уже указывали ранее, Готовцева противопоставляет «поэтов, чье творчество имеет божественную природу, тем авторам, которых она называет “падшими ангелами”, подчинившими свои произведения демоническим порывам» [Коптелова 2024b: 50]. Слава «падших ангелов» представляется Готовцевой очень кратковременной и уподобляется полету кометы, согласно древним мифологическим воззрениям, предвещающей, будущие несчастья¹ [Трессидер: 158]: «Их слава, промелькнув, как грозная комета, / Затмила блеск звезды — и умерла для света!..» [Северные цветы на 1829: 30]. Несомненно, «в интерпретации Готовцевой семантика образа “грозной кометы” включает и отчетливую апокалиптическую коннотацию (Откр. 8: 10–11)» [Коптелова 2024b: 50]. По логике лирического сюжета, реализованного в этом стихотворении, огненная стихия кометы несет в себе заряд зла и тьмы. В конечном счете, она враждебна «звезде», имеющей свой «блеск» и символизирующей, с точки зрения Готовцевой, истинный поэтический дар.

Любопытно, что аналогичную образную антитезу использует В. А. Жуковский в своей басне «Звезда и комета», не печатавшейся при его жизни и опубликованной только в 1902 г. [Поташова: 4000]. Причем в характеристике звезды и кометы Готовцева и Жуковский типологически отчасти перекликаются. Оба автора подчеркивают динамичность, изменчивость кометы и неподвижность, постоянство звезды. Они также возвышают образ звезды как носителя собственного света и снижают образ кометы, не имеющей блеска, но передающей в своем отражении звездное свечение. Негативная коннотация образа кометы у Готовцевой создается посредством эпитета «грозная». Жуковский же характеризует комету иронично окрашенным определением «бродячая». Готовцева представляет образ кометы, имеющей демоническую сущность, в романтическом ореоле, включая его в структуру лирического сюжета стихотворения. А Жуковский персонифицирует образы

¹ А вот в стихотворении П. А. Вяземского «Очерки Карлсбада» (1858) мотив кометы как предвестницы несчастий становится предметом юмористического осмысления [Жданов: 30–31].

звезды и кометы, превращая небесные тела в героинь, обладающих точно очерченными характерами, чего требует жанр басни. В его произведении высокомерная и хвастливая комета саморазоблачается в своем монологе, обращенном к верной себе, дорожащей чувством собственного достоинства, а потому молчаливой звезде:

«Посторонись! дорогу дай!»
(Звезде бродящая комета закричала),
Ты неподвижно здесь сияла,
А я с моим хвостом всё небо облетала!
Мой путь издалека! Спешу в далекий край!
Пусти, ленивая! лететь мне не мешай!“
Звезда, не давши ей ответа,
Осталась в *своих* лучах среди небес, —
А светом *не своим* блестящая комета
Промчалась вдаль, а там и след ее исчез
[Жуковский: 261].

Удивительно то, что обращаясь к образу кометы в стихотворении «К Ю. Н. Бартеневу», Готовцева вступает в непреднамеренную художественную переключку с Пушкиным, невольно дополняя свой творческий диалог с ним, сложившийся из ее послания «А. С. П.» и пушкинского «Ответа А. И. Готовцевой» («И недоверчиво и жадно...»). Дело в том, что в стихотворении «Портрет», появившемся в том же легендарном номере «Северных цветов на 1829 год» (без указания имени автора) Пушкин дает свое истолкование символа кометы, во многом отличное от того, которое предложила Готовцева в послании «К Ю. Н. Бартеневу»:

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой;
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как незаконная комета
В кругу расчисленном светил
[Северные цветы на 1829 год: 191].

В данном произведении поэт проецировал образ кометы на духовно-психологический облик А. Ф. Закревской¹, поражавшей его и многих современников не только красотой, но и своеволием. Известно, что Закревская часто дерзко и напоказ отступала «от законов светского (а глубже — христианского) поведения» [Рамхе: 4].

И. З. Сурат убедительно доказала, что стихотворение «Портрет» было навеяно не только личным общением Пушкина с Закревской, но и ее изображением на портрете Д. Доу, сильно впечатлившим поэта и даже воссозданным им в рукописи «Полтавы» [Сурат: 420–421]. Этот фактор определяет и жанровую специфику произведения — это «стихи к портрету» [Сурат: 420]. По словам И. З. Сурат, на портрете Закревской Пушкина, по-видимому, более всего удивила ее раскованная и свободная поза, выходящая за рамки светских правил [Сурат: 420]. Очевидно, Закревская являла собой особый личностный вариант воплощения архетипа Клеопатры, весьма интересный для Пушкина и художественно исследуемый в ряде его произведений (в стихотворении «Клеопатра» (1828), в незавершенной поэме «Египетские ночи» (1835)).

В восприятии кометы Готовцева и Пушкин в некоторых точках пересекаются: оба акцентируют в ней огненное, стремительное, стихийное, непредсказуемое, гибельное начало. И Готовцева, и Пушкин характеризуют комету как разрушительницу космического равновесия, бросающую вызов законам Вселенной. Но если эти свойства «грозной кометы» по иносказательной шкале Готовцевой оцениваются резко отрицательно, как некие признаки богоборчества, то Пушкин относится к ним не столь однозначно. В его интерпретации символа «беззаконной кометы» присутствует гораздо больше смысловых оттенков, благодаря щедрому использованию в стихотворении романтически сгущенных красок. В отличие от Готовцевой, Пушкин очарован уникальностью кометы, в противоположность другим небесным светилам, не имеющей постоянной орбиты, движущейся по непредсказуемой траектории.

Сравнение с «беззаконной кометой» передает исключительность героини стихотворения, списанной Пушкиным как непосредственно с Закревской, так и отсылающей к ее изображению на портрете Доу. Рез-

¹ Впоследствии образ женщины-кометы, открытый Пушкиным, будет трансформирован в лирике А. А. Григорьева («Комета») и А. А. Блока («Снежная маска», «Кармен»).

ко отличаясь от других «жен Севера», она весьма импульсивна и живет только огнем своих страстей, одержимо стремится к свободному проявлению себя, к независимости от всех ограничений, в том числе и нравственных. Тем не менее, авторская интонация в «Портрете» отличается двойственностью: Пушкин одновременно и восхищается силой характера, свободолюбием героини, вырывающейся за границы возможного и завораживающей тайной своей непредсказуемой личности, и в то же время в глубине души тревожится за нее.

Помимо доминирующего настроения восторга, в подтексте стихотворения «Портрет» все-таки чувствуется и некая рефлектирующая нота, предсказывающая принципиальный поворот в пушкинском пути к идеалу женщины. Ведь в аксиологической иерархии Пушкина 1830-х гг. важное место займет другой женский тип, явно потеснивший на недостижимом пьедестале героиню-комету (Клеопатру). И наиболее полно иной пушкинский идеал женственности, несомненно, будет запечатлен в образе Татьяны Лариной. Неслучайно в восьмой главе романа Татьяна будет противопоставлена княгине Нине Воронской. Образ «Клеопатры Невы» Нины Воронской некоторые пушкинисты вполне доказательно возводят к личности Закревской [Вересаев], [Сидяков: 52], отождествленной Пушкиным с непредсказуемой кометой, нарушающей законы космического равновесия. Поэт подчеркивает, что яркая внешность Нины никак не может «затмить» скромную, но просветленную и одухотворенную красоту Татьяны. В свою очередь, закон контекста побуждает уподобить Татьяну Ларину светоносной и неподвижной «звезде», утверждающей в мире прочные духовные основания, заповеданные христианством. В противоположность стихийной и «беззаконной комете», Татьяна воплощает вечные нравственные ценности: верность, преданность, чистоту человеческих отношений. И это свидетельствует об объективном сближении автора «Евгения Онегина» с истолкованием образной антитезы «звезда — комета», представленным в стихотворении Готовцевой «К Ю. Н. Бартеневу».

Интерпретация образа кометы, реализованная Готовцевой в послании «К Ю. Н. Бартеневу», пересекается и с осмыслением этого астрального символа в «восточной повести» М. Ю. Лермонтова «Демон», задуманной им в 1829 г. У обоих авторов комета выступает как атрибут inferнальности. В произведении Готовцевой с «кометой» сравнивается недолговечная слава поэтов — «падших ангелов»: «<...> Но с гру-

стию я отвращаю взор / От падших ангелов: их гений им укор» [Северные цветы на 1829 год: 30]. Лермонтов же с помощью образа кометы усиливает романтическую характеристику Демона как титанической, но трагической фигуры. Образ кометы в поэме Лермонтова «Демон» становится яркой метафорой, подчеркивающей стихийную, разрушительную и одинокую природу главного героя. Она символизирует изгнанничество, неудержимый полет через космическое пространство, зеркально отражая внутренний мир Демона — мрачный, величественный и лишенный покоя. Поэтесса однозначно акцентирует разрушительное начало кометы, используя эпитет «грозная». В семантической структуре этого астрального символа, художественно преломленного в стихотворении Готовцевой, доминирует негативный компонент, в то время как Лермонтов одушевляет, очеловечивает и несколько возвышает образ кометы. Уже в самом начале лирического повествования комета в лермонтовской поэме получает статус действующего лица: чувствуя духовное родство с Демоном, она радостно приветствует его «улыбкой ласковой»,

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним <...>

[Лермонтов: 391].

Элегический космос Готовцевой своеобразно достраивается в ее стихотворении «Ночь», в рукописи датированном поэтессой 1829 г.¹ [Готовцева 1851: 18]. В нем астральная символика разнообразно репрезентирована в трех первых строфах произведения. Уже в первой строфе тайна и красота летней ночи не только очаровывают лирическую

¹ Готовцева А. И. Стихотворения А. И. Корниловой, урожденной Готовцевой [1851] // РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 18.

героиню, но и вызывают в ее сознании мысль о божественном смысле созерцаемых картин природы:

Когда природа спит и мраком полуночи
Оденутся долины и леса,
Тогда, забывши сон, я устремляю очи
Туда, где вечный день сулят нам небеса
[Готовцева 2005: 72].

В контексте данного фрагмента небесная сфера метафорически представлена в качестве высокой «цели», к которой устремляется мысль поэтессы. А. Н. Романова выявляет генетическую связь стихотворения Готовцевой с элегией А. де Ламартина «Вечер»¹: «Общее движение лирического сюжета в стихотворении Готовцевой близко к стихотворению Ламартина: от созерцания ночной природы на земле лирический герой устремляет глаза к небу, где яркие светила напоминают о вечности и о божественных тайнах бытия» [Романова 2025а: 95].

Религиозную окраску обретают образы звезд и метеора, фигурирующие во второй строфе и весьма востребованные в лирике Готовцевой:

Всё тихо! Звезд золотых блистательный собор
В святом безмолвии на дальний мир взирает,
Лишь изредка вдали блестящий метеор
Чертогу пламенной свой путь обозначает
[Готовцева 2005: 72].

Образным стержнем в данном четверостишии оказывается метафора, позволяющая поэтессе уподобить звезды золотым куполам собора: «звезд золотых блистательный собор». Она передает величие, красоту и божественность космоса, создавая атмосферу торжественности, покоя и духовной возвышенности, превращая небосвод в величественный «храм» под открытым небом. Символ метеора здесь выполняет функцию, аналогичную той, которая проявляется в стихотворении «Видение»: вспышка пламени, идущая от этого небесного тела, также

¹ Поэзия Ламартина оказала большое влияние на формирование творчества Готовцевой [Коптелова 2025b].

сигнализирует о мгновенном прорыве лирической героини в вечность. Наконец, впечатление мистического света, разлитого по ночному небу, усиливает сияющая луна, предсказывая встречу с потусторонним:

Душа волнуется таинственным желаньем,
С восторгом сладостным кого-то ждет она,
И вот, окружена таинственным сияньем,
Над рощею всплыла серебристая луна

[Готовцева 2005: 72].

Астральный комплекс, включающий в себя символы звезд, метеора, луны, передает возвышенное чувство слияния души героини не только с космосом, но и с Творцом мира. В данном поэтическом контексте небесные светила выступают в качестве проводников в иной мир. Благодаря им исчезает завеса темноты и перед героиней возникает предчувствуемое и ожидаемое ею чудесное видение:

Исчезла темнота, окрестность озарилась,
Ручей, вясь, бежит прозрачно полосой,
И тень бродящая печально отразилась
На мягкой мураве, подернутой росой

[Готовцева 2005: 72].

Стихотворение Готовцевой «Ночь» циклически сцепляется с ранней элегией Готовцевой «Видение», образуя диптих. В обоих произведениях встречается образ метеора, характеризующего кратковременность видения и одновременно силу выраженных в них религиозных переживаний. Связывает стихотворения и мотив видения, но он воплощен в них по-разному. В более раннем произведении описание мистической встречи с обитательницей иного мира становится главным событием лирического сюжета и находится в центре поэтического повествования. А вот в стихотворении «Ночь» Готовцева в очередной раз прибегает к своему излюбленному приему недосказанности. В нем о госте из потусторонности только намекает образ «тени», которая, по словам А. Н. Романовой «олицетворяется, но не наделяется мистическими свойствами» [Романова 2025а: 95]. Это отличает элегию Готовцевой от стихотворения Ламартина «Вечер», где мотив ночной тени

интерпретирован вполне семантически определенно, с акцентом на мистическом звучании [Романова 2025a: 95].

По линии астральной символики стихотворение Готовцевой «Ночь» вступает в лирический диалог, на этот раз вполне осознанный поэтесой, и с одноименным стихотворением В. А. Жуковского, впервые увидевшим свет в альманахе «Северные цветы на 1825 год»:

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездой своей

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом.
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой

[Северные цветы на 1825 год: 286].

И Жуковский, и Готовцева обращаются к теме ночи как особого состояния природы и человеческой души. Ночь становится временем размышлений, погружения в глубины собственного сознания. В обоих произведениях присутствует детальное описание ночного пейзажа. Авторы используют образы неба, звезд и тишины для создания атмосферы загадочности и таинственности. Лирический субъект в обоих стихотворениях — это наблюдатель, погруженный в свои мысли. Он размышляет о жизни, судьбе, вечности, находясь наедине с природой. Ночь выступает как время откровений, когда человек особенно остро чувствует связь с космосом.

Однако семантика и поэтика астральных образов, присутствующих в стихотворениях Готовцевой и Жуковского, во многом различаются. У Жуковского астральная символика интерпретируется в мифопоэтическом ключе. Поэт создает свой лирический миф о ночи-матери, способной успокоить и умиротворить человеческую душу, «томимую тоской». В структуру этого мифа входит и образ Геспера, воспринятый Жуковским из древнегреческой мифологии. Согласно концепции мифа, Геспер — это «божество вечерней звезды — самой прекрасной из звезд < ... >» [Тахо-Годи]. Неслучайно Геспер изображен Жуковским с «прекрасной звездой своей». В сюжете произведения он выступает как предвестник покоя и таинственной красоты ночи. Геспер летит перед Ночью, символизируя переход от дневной суеты к умиротворению и помогая принести долгожданный отдых уставшим сердцам. Герой привносит свет в «лазурные своды» неба, рассеивая наступающую темноту. Таким образом, Геспер у Жуковского — это не просто небесное светило, а одухотворенный романтический образ, идиллически открывающий путь волшебству и умиротворению ночи.

В стихотворении Жуковского преобладает созерцательность и меланхолия. В произведении же Готовцевой эти элементы отчасти сохраняются так же, как и установка на религиозно-философское постижение космической сферы. Однако художественное пространство ее элегии более насыщено астральной символикой: на фоне ночного неба появляются не только звезды, но метеор и луна, выступающие как носители божественного света. В развитии лирического сюжета стихотворения Готовцевой больше динамики: взгляд лирической героини ступенчато перемещается с «собора звезд» на огненный метеор, а затем останавливается на сияющей луне. Поэтесса сохраняет традиционное романтическое значение астральных образов, реализованное в «Ночи» Жуковского. Но при этом она делает астральные символы более интимными и в большей степени ориентированными на свои внутренние переживания, а не на внешний пейзаж.

Таким образом, Готовцева создает в лирике свой астральный миф. В ее индивидуально-авторской интерпретации положительную семантику имеют следующие астральные образы: метеор («Видение», «Ночь») солнце («К П***», «А. С. П.»), луна («А. С. П.», «К Ю. Н. Барте-неву», «Ночь»), звезды («К Ю. Н. Бартенеvu», «Ночь»). Поэтесса также

использует астральные символы с амбивалентным значением: луна и солнце с «пятнами» («А. С. П.»). Согласно ее художественной картине космоса, однозначно отрицательная семантика приписывается только образу кометы, что согласуется с фольклорно-мифологическими представлениями древних и перекликается с библейской традицией («К Ю. Н. Бартеневу»). Демоническая сущность кометы подчеркивается Готовцевой через противопоставление ее звезде («К Ю. Н. Бартеневу»). Астральные образы в ее творчестве выполняют функцию посредника между земным (бренным) и небесным (вечным) и главным образом сопряжены с мотивами духовного и творческого поиска. Часто они становятся знаками религиозных переживаний поэтессы. Таким образом, следуя за традицией русской романтической поэзии, Готовцева углубляет астральную семантику, делая ее инструментом личного философского высказывания.

Осваивая и переосмысливая астральную символику в рассмотренных нами стихотворениях 1820-х гг., Готовцева вступает в художественную перекличку с Жуковским, Пушкиным, Лермонтовым. Причем эта перекличка, включающая как согласие, так и полемику, возникает стихийно, без осознанного стремления поэтессы завязать творческий диалог с названными авторами-современниками. Исключение составляет только стихотворение Готовцевой «Ночь», по-своему непосредственно отзывающееся на одноименное произведение Жуковского.

Список литературы

Источники

Вересаев В. В. Княгиня Нина // *Вересаев В. В.* В двух планах. Статьи о Пушкине. М.: Издательское товарищество «Недра», 1929. С. 97–102.

Готовцева А. И. Стихотворения // «Прелестный дар, перо поэта...»: Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. Кострома: Губернский дом, 2005. С. 21–74.

Жуковский В. А. Звезда и комета («Посторонись! дорогу дай!..») // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 2. Стихотворения 1815–1852 годов / ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 261.

Лермонтов М. Ю. Демон // *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Поэмы / отв. ред. тома Ю. М. Прозоров. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. 704 с.

Литературный музей на 1827 год, Владимира Измайлова. М.: В Типографии С. Селивановского, 1827. 320 с.

Северные цветы на 1825 год. СПб.: В типографии департам. народн. просвещ., 1824. 359 с.

Северные цветы на 1829 год. СПб.: В типографии департам. народн. просвещ., 1828. 207 с.

Херасков М. М. Россияда, поэма эпическая. М.: В Университетской типографии, у Н. Новикова, 1786. 280 с.

Исследования

Бочков В. Н. «Твой недосказанный упрек» // Бочков В. Н. Костромские спутники Пушкина: историко-художественные очерки: юбилейный выпуск журнала «Губернский дом». Кострома: Губернский дом, 2002. С. 141–154.

Вацуро В. Э. Пушкинский альманах // Вацуро В. Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 83–117.

Жданов С. С. Образ «пестро-лоскутной» Германии в поэзии П. А. Вяземского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 6–37. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-6-37>

Зеневич Е. В. Поэтика парных текстов в лирике Ю. В. Жадовской // Филология: научные исследования. 2024. № 8. С. 151–160. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.8.71247>

Зеневич Е. В., Афанасьева Э. М. Образ падушей звезды в лирике Ю. В. Жадовской // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 3 (80). С. 93–100.

Коптелова Н. Г. А. И. Готовцева и П. А. Вяземский: история творческих взаимоотношений // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2024а. № 6. С. 65–73.

Коптелова Н. Г. Бартенеvский след в творчестве А. И. Готовцевой // Два века русской классики. 2024b. Т. 6, № 1. С. 38–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73>

Коптелова Н. Г. Запись А. И. Готовцевой в альбоме М. А. Максимовича как отражение ее литературных связей // Филологический класс. 2025а. Т. 30, № 3. С. 136–145. <https://doi.org/10.26170/2071-2405-2025-30-3-136-145>

Коптелова Н. Г. Элегии А. И. Готовцевой 1820-х гг.: генезис и поэтика // Два века русской классики. 2025b. Т. 7, № 3. С. 6–31. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-6-31>

Коптелова Н. Г., Четверикова А. А. Поэтические послания к П. А. Вяземскому З. А. Волконской и А. И. Готовцевой. Часть 1 // Новый филологический вестник. 2025а. № 1 (72). С. 61–72.

Коптелова Н. Г., Четверикова А. А. Поэтические послания к П. А. Вяземскому З. А. Волконской и А. И. Готовцевой. Часть 2 // Новый филологический вестник. 2025b. № 2 (73). С. 124–133

Лебедев Ю. В. Анна Ивановна Готовцева // Лебедев Ю. В., Романова А. Н. Литература Костромского края. Вторая половина XVIII — первая половина XIX века: учебное пособие. Кострома: КГУ, 2018. С. 99–111.

Поташова К. А. Басня В. А. Жуковского «Звезда и комета»: история текста и смысла // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 11. С. 3999–4005.

Рамхе Н. Н. Мотив «беззаконной кометы» в литературно-бытовой культуре пушкинской эпохи // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. Вып. 6 (22). С. 3–7.

Романова А. Н. Душевный мир провинциальной читательницы в лирике А. И. Готовцевой // Учёные записки Новгородского государственного университета 2025а. № 1 (56). С. 94–106. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1\(56\).94-106](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1(56).94-106)

Романова А. Н. Историко-литературный контекст поэтического диалога А. С. Пушкина и А. И. Готовцевой на страницах альманаха «Северные цветы на 1829 год» // Научный диалог. 2025b. Т. 14, № 7. С. 278–315. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-7-278-315>

Романова А. Н. Собеседница поэтов Анна Готовцева. К истории литературных отношений пушкинской эпохи // Литература в школе. 2020. № 2. С. 62–75.

Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина: учебное пособие Рига: Б. и., 1973. 218 с.

Сурат И. З. Заметки о рисунках Пушкина. Портрет // Сурат И. З. Вчерашнее солнце: О Пушкине и пушкинистах. М.: РГГУ, 2009. С. 420–421.

Тахо-Годи А. Геспер // Мифы народов мира: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 1: А–К. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 298.

Трессидер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

Чупринова Н. В. Женское творчество в «альманашный период» русской литературы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 203 с.

References

- Bochkov, V. N. “‘Tvoi nedoskazannyy uprek.’” [“‘Your Unsaid Reproach.’”]. Bochkov, V. N. *Kostromskie sputniki Pushkina: istoriko-khudozhestvennye ocherki: iubileinyi vypusk zhurnala “Gubernskii dom”* [Kostroma Companions of Pushkin: Historical and Artistic Essays: Anniversary Issue of the Magazine “Gubernsky Dom”]. Kostroma, Gubernskii dom Publ., 2002b, pp. 141–154. (In Russ.)
- Vatsuro, V. E. “Pushkinskii al'manakh” [“Pushkin's Almanac”]. Vatsuro, V. E. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 83–117. (In Russ.)
- Zhdanov, S. S. “Obraz ‘pestro-loskutnoi’ Germanii v poezii P. A. Viazemskogo” [“Image of the ‘Patchworky’ Germany in the Poetry by P. A. Vyazemski”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 1, 2024, pp. 6–37. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-6-37> (In Russ.)
- Zenevich, E. V. “Poetika parnykh tekstov v lirike Iu. V. Zhadovskoi” [“The Poetics of Paired Texts in the Lyrics of Yu. V. Zhadovskaya”]. *Filologiya: nauchnye issledovaniia*, no. 8, 2024, pp. 151–160. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.8.71247> (In Russ.)
- Zenevich, E. V., and E. M. Afanas'eva. “Obraz paduchei zvezdy v lirike Iu. V. Zhadovskoi” [“The Image of a Falling Star in the Lyrics of Yu. V. Zhadovskaya”]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*, no. 3 (80), 2023, pp. 93–100. <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.80.3.009> (In Russ.)
- Koptelova, N. G. “A. I. Gotovtseva i P. A. Viazemskii: istoriia tvorcheskikh vzaimootnoshenii” [“A. I. Gotovtseva and P. A. Vyazemsky: The History of Creative Relationships”]. *Filologicheskie nauki: Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6, 2024a, pp. 65–73. (In Russ.)
- Koptelova, N. G. “Bartenevskii sled v tvorchestve A. I. Gotovtsevoi” [“Bartenev's Trace in the Work of A. I. Gotovtseva”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 1, 2024b, pp. 38–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73> (In Russ.)
- Koptelova, N. G. “Zapis' A. I. Gotovtsevoi v al'bome M. A. Maksimovicha kak otrazhenie ee literaturnykh svyazei” [“A. I. Gotovtseva's Note in the Album of M. A. Maksimovich as a Reflection of Her Literary Relationships”]. *Filologicheskii klass*, vol. 30, no. 3, 2025a, pp. 136–145. <https://doi.org/10.26170/2071-2405-2025-30-3-136-145> (In Russ.)
- Koptelova, N. G. “Elegii A. I. Gotovtsevoi 1820-kh gg.: genesis i poetika” [“Elegies by A. I. Gotovtseva in the 1820s: Genesis and Poetics”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025, pp. 6–31. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-6-31> (In Russ.)
- Koptelova, N. G., and A. A. Chetverikova. “Poeticheskie poslaniia k P. A. Viazemskomu Z. A. Volkonskoi i A. I. Gotovtsevoi. Chast' 1” [“Poetic messages to P. A. Vyazemsky by Z. A. Volkonskaya and A. I. Gotovtseva. Part 1”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 1 (72), 2025a, pp. 61–72. (In Russ.)
- Koptelova, N. G., and A. A. Chetverikova. “Poeticheskie poslaniia k P. A. Viazemskomu Z. A. Volkonskoi i A. I. Gotovtsevoi. Chast' 2” [“Poetic Messages to P. A. Vyazemsky by Z. A. Volkonskaya and A. I. Gotovtseva. Part 2”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (73), 2025b, pp. 124–133. (In Russ.)

Lebedev, Iu. V. "Anna Ivanovna Gotovtseva" ["Anna Ivanovna Gotovtseva"]. Lebedev, Iu. V., and A. N. Romanova. *Literatura Kostromskogo kraia. Vtoraia polovina XVIII — pervaiia polovina XIX veka: uchebnoe posobie* [Literature of the Kostroma Region. Second Half of the 18th — First Half of the 19th Century: Textbook]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2018, pp. 99–111. (In Russ.)

Potashova, K. A. "Basnia V. A. Zhukovskogo 'Zvezda i kometa': istoriia teksta i smysla" ["The Fable 'The Star and the Comet' by V. A. Zhukovsky: The History of the Text and Meanings"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 16, issue 11, 2023, pp. 3999–4005. (In Russ.)

Ramkhe, N. N. "Motiv 'bezzakonnoi komety' v literaturno-bytovoi kul'ture pushkinskoi epokhi" ["The Motif of the 'Lawless Comet' in the Literary and Everyday Culture of the Pushkin Era"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, issue 6 (22), 2000, pp. 3–7. (In Russ.)

Romanova, A. N. "Dushevnyi mir provintsial'noi chitatel'nitsy v lirike A. I. Gotovtsevoi" ["Provincial Female Reader's Inward World in Poems by Anna Gotovtseva"]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (56), 2025a, pp. 94–106. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1\(56\).94-106](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2025.1(56).94-106) (In Russ.)

Romanova, A. N. "Istoriko-literaturnyi kontekst poeticheskogo dialoga A. S. Pushkina i A. I. Gotovtsevoi na stranitsakh al'manakha 'Severnnye tsvety na 1829 god'" ["The Historical and Literary Context of Poetic Dialogue Between A. S. Pushkin and A. I. Gotovtseva in Almanac 'Northern Flowers for Year 1829'"]. *Nauchnyi dialog*, vol. 14, no. 7, 2025b, pp. 278–315. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-7-278-315> (In Russ.)

Romanova, A. N. "Sobesednitsa poetov Anna Gotovtseva. K istorii literaturnykh otnoshenii pushkinskoi epokhi" ["Interlocutor of Poets: Anna Gotovtseva. On the History of Literary Relations in the Pushkin Era"]. *Literatura v shkole*, no. 2, 2020, pp. 62–75. (In Russ.)

Sidiakov, L. S. *Khudozhestvennaia proza A. S. Pushkina: uchebnoe posobie* [A. S. Pushkin's Fiction: A Textbook]. Riga, [s. n.], 1973. 218 p. (In Russ.)

Surat, I. Z. "Zametki o risunkakh Pushkina. Portret" ["Notes on Pushkin's Drawings. Portrait"]. Surat, I. Z. *Vcherashnee solntse: O Pushkine i pushkinistakh* [Yesterday's Sun: On Pushkin and Pushkinists]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2009, pp. 420–421. (In Russ.)

Takho-Godi, A. "Gesper" ["Hesperus"]. *Mify narodov mira: entsiklopediia: v 2 t. [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia in 2 vols]*. vol. 1: (A–K), ed. by S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1980, p. 298. (In Russ.)

Tressider, Dzh. *Slovar' simvolov* [The Dictionary of Symbols], trans. from English by S. Pal'ko. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 1999. 448 p. (In Russ.)

Chuprinova, N. V. *Zhenskoe tvorchestvo v "al'manashnyi period" russkoi literatury* [Women's Creativity in the "Almanac Period" of Russian Literature: PhD Dissertation]. Moscow, 2018. 203 p. (In Russ.)